

Женѣ Александрѣ Васильевнѣ.

Одесса, (28-го августа 1842 года).

Уже десять дней, какъ мы съ тобою разстались, моя жизнь! Гдѣ-то ты теперь? Куда и писать даже?.. На всякой случай однако адресую въ Харьковъ, и особо попрошу Фичьера ¹⁾ отправить въ Москву, если мое письмо тебя не застанетъ. Ты же, моя миленькая, получивъ это *идь бы то ни было*, отвѣчай уже въ Ялту, ибо я ѣду туда непременно 2-го сентября, на пароходѣ „Наслѣдникъ“, который зайдетъ прежде въ Севастополь. Впрочемъ, быть можетъ, что и яхта „Оріанда“ зайдетъ за мною. Въ такомъ случаѣ я сбереженные деньги употреблю на проѣздъ сухимъ путемъ до Ялты, чтобъ видѣть Бакчисарай.

Я пишу это за полторы сутки до отдачи на почту, въ пятницу, только-что пивши чай по возвращеніи моемъ съ купанья, въ 9-ть часовъ вечера. Написавши еще нѣсколько строкъ лягу спать. Я такъ сдѣлалъ и вчера. Ночи еще не холодны. Вообрази, душенька, что я замѣтилъ въ водѣ окружавшей меня, при сильномъ ее взбалтываньи, фосфорической свѣтъ, какъ бываетъ подъ тропиками (но вѣроятно больше здѣшняго).

Я познакомился здѣсь нечаянно съ однимъ изъ сыновей покойнато Стойковича, Гоноріемъ, которому принадлежитъ теперь здѣшняя С.-Петербургская гостиница. Купилъ этотъ домъ недавно, за 140 т. р. Ужъ какъ отецъ его до такой степени разбогатѣлъ (ибо есть еще у нихъ и деревня), я не знаю. Сегодня я у него обѣдалъ. Жена изъ дому Демидовыхъ, Московка. Старшій его братъ, Аркадій, въ Москвѣ живетъ, одинъ изъ сотрудниковъ „Живописнаго Обозрѣнія“, и главный де. Обласкали они меня до чрезвычайности.

30-го августа въ день отправления.

Вчера, за посѣщеніями разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Стойковича, не удалось ничего къ тебѣ написать. Грустно мнѣ, душенька, безъ тебя! И днемъ и ночью, когда я одинъ, призываю тебя—всякими нѣжными именами; въ томъ числѣ *больше* всѣхъ,—знаешь-ли *какое* больше всѣхъ меня самого трогаетъ? Не догадаешься: скажу! Извини если оно тебѣ, какъ и всякой женщинѣ можетъ быть, покажется сухимъ, непріятнымъ для слуха. Но какъ оно близко моему сердцу по 37-ми лѣтамъ

¹⁾ Французъ, жившій въ Харьковѣ, учитель младшаго его сына *Валеріана*, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Ф. К.

большую частью счастливой жизни!.. Плачу и теперь, когда пишу. Вот оно: „милая моя старушка“!

Гдѣ-то ты теперь? моя душенька, моя Сашенька! Съ какимъ чувствомъ раздѣловаль бы я щечки, губки, ручки твои!.. Но—странно! Ни одного разу еще ты мнѣ не снилась, хотя часто засыпаю произнося твое имя: и это не одинъ разъ въ ночь, ибо я сплю безпокойно. Ты здорова-ли? Какъ почитаешь? Твоя обыкновенная болѣзнь въ какомъ положеніи? Непремѣнно спроси у акушера въ Москвѣ. Что какое нибудь вспомошествованіе нужно, въ томъ я увѣренъ. Лишь бы тебѣ носить было не безпокойно.

Я уже отпечаталъ свою статью о *безопасномъ отопленіи*. Отдаю въ переплетъ. Да и отъ Николая Михайловича ¹⁾ сегодня или завтра получу чертежи. Пришлю тебѣ въ Москву десятка два экземпляровъ для отдачи на комиссію какому нибудь *честному* книгопродавцу,—разумѣется въ переплетъ, на который не поскупись, такъ какъ цѣну назначилъ я большую, (ибо это *открытіе*, а не просто сочиненіе).

Видно ты лошадей не продала. Но и лучше!.. Да-бишь! я не благодарилъ тебя за милое, нѣжное твое письмо изъ Николаева—единственное, которое я до сихъ поръ получилъ. Оно дошло ко мнѣ 22-го числа, и его вдохновеніемъ я написалъ статью объ этомъ днѣ. Навѣдйся принята-ли она въ Харьковской газетѣ? Для чего не просилъ я тебя написать хоть разъ съ дороги? Распорядись, душа моя, чрезъ Вендершевскаго ²⁾ (которому дать можно красненькую), чтобъ все, получаемое на мое имя въ Харьковъ было, *до 1-го октября*, отправляемо въ Ялту. Съ твоей стороны пришли мнѣ туда что-нибудь денегъ. Я не знаю какъ проживу тамъ, и чѣмъ возвращаться, если Стевенъ ³⁾ будетъ упорствовать не выдавать до разрѣшенія его рапорта. Но я тѣмъ не менѣе долженъ былъ издержать здѣсь рублей двѣсти.—Закрываю тебя въ мои объятія, мой другъ, моя Саша, моя старушка милая!..

¹⁾ Н. М. Кумани, въ то время начальникъ Гидрографическаго Депо въ Николаевѣ. Ф. К.

²⁾ Чиновничекъ въ Харьковской почтовой конторѣ. Ф. К.

³⁾ Директоръ казенныхъ виноградниковъ въ Крыму. Василию Назаровичу назначена была мизерная сумма въ 200 р. на опыты; Стевенъ не рѣшался ее выдать безъ особаго на то предписанія отъ своего начальства хотя В. Н. и показывалъ ему письмо гр. Киселева. Ф. К.

Р. S. Вчера флигель-адъютантъ привезъ сюда извѣстіе о разрѣшеніи Цесаревны. Но манифеста еще нѣтъ. Ъду въ церковь, чтобъ и съ архіереемъ проститься. Прощай!..

30-го IX ч. 50'.
